
История литературы

Л. ФРИЗМАН

ПУШКИН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830—1831 годов

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Эта статья была написана в 1962 году. Настойчивые попытки автора добиться ее напечатания успехом не увенчались. Но их история, закреплённая в сохранившихся письмах того времени, может, думается, представить самостоятельный интерес.

Своим существованием эта статья обязана Александру Трифоновичу Твардовскому. 10 февраля 1962 года он выступил на торжественном заседании в Большом театре со «Словом о Пушкине», где, в частности, сказал: «Разве ограничивается идейно-художественное содержание и значение одного из самых известных произведений политической лирики Пушкина «Клеветникам России» тем, что непосредственный повод его — польское восстание 1830—1831 годов?»¹ Эти слова задели меня за живое. Я давно был убежден, что стихи «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» толкуются у нас искаженно и предвзято, что мы боимся «обидеть» Пушкина, вскрыв их конкретно-исторический смысл и звучание, которое они имели в свое время. И вот Твардовский отделяет идейно-художественное содержание и значение этих стихов от их непосредственного по-

¹ А. Т. Твардовский, Собр. соч. в 6-ти томах, т. 5, М., 1980, с. 371.

вода! Может быть, это открывает возможность сказать правду о нем, о поводе?

Нужно вспомнить, что тогда было за время. Авторитет «Нового мира», редактор которого являлся кандидатом в члены ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР, казался непоколебимым. Хотелось думать, что для него нет запретных тем. И я написал Твардовскому большое письмо, где на трех или четырех страницах высказал то, что думал о стихах «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», и предложил развернуть его в статью на эту тему. Ответ пришел немедленно. Вот его текст:

«5 марта 1962 г.

Уважаемый тов. Фризман!

Мне очень приятно было получить Ваше письмо в связи с моей речью о Пушкине и по душе мысли, высказанные в нем. Большую «аргументированную статью на эту тему» «Новый мир» вряд ли сможет сейчас поместить. Но, во-первых, возможно, мне удастся опубликовать Ваше письмо в ряду других писем в связи со «Словом о Пушкине», а во-вторых, не попытаться ли бы Вам написать что-нибудь на собственно современную тему? Писать Вы можете — это, по крайней мере, вполне очевидно. Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский².

Конечно, отказ есть отказ. Но я уже сорвался с цепи. «Мысли по душе», «писать Вы можете» — нетрудно представить себе, что значило для двадцатилетнего учителя школы рабочей молодежи подобное ободрение, да еще из уст самого Твардовского!

Вскоре статья была написана, и первым местом, куда я обратился с заявкой на нее, оказались «Вопросы литературы», единственный журнал, где меня немножко знали: я успел напечатать в нем две коротенькие рецензии. Отвечает заведующий отделом русской классической литературы Владимир Александрович Путинцев:

«21 июля 1962 г.

Глубокоуважаемый Леонид Генрихович!

С интересом прочел Вашу заявку на статью в связи с новым толкованием политической лирики Пушкина 1831 года, но мне кажется, что первоначальное обсуждение подобного вопроса было бы целесообразнее поведи на стра-

² А. Т. Твардовский, Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6, с. 189.

ницах специального пушкинского сборника или такого издания, как «Русская литература» или «Известия» Отделения литературы и языка АН СССР. Редакции нашего журнала, рассчитанного на читателей более широкого профиля, вряд ли стоило бы обращаться к столь дискуссионному литературоведческому материалу, тем более что недостаток места не позволит нам организовать всестороннее обсуждение связанных с этой проблемой вопросов.

Искренне желаю Вам успехов в работе!»

Так был задан лейтмотив, ставший постоянным. Идеи вызывают интерес, но ответственность за публикацию пусть берет на себя кто-нибудь другой. Я — в «Русскую литературу», к редактору журнала Василию Григорьевичу Базанову. Вот его ответ:

«Глубокоуважаемый тов. Фризман. С большим интересом прочитал Ваше проблемное письмо, почти реферат статьи. Полагаю, что у Вас есть все основания выступить в печати. Но где? Сам я не занимаюсь русско-польскими отношениями, поэтому едва ли могу быть авторитетным судьей. Журнал «Р. л.» является органом Пушкинского Дома, а в этом Доме имеется группа пушкиноведения (т. е. Городецкий и Мейлах). Статьи о Пушкине проходят рецензирование в этой группе. В журнале залежи материалов, множество обещаний. Пушкинская группа издает сб. «Пушкин. Материалы и исследования». Может быть, послать Б. С. Мейлаху — все равно статью я отдам ему на рецензию».

Обратившись к Б. С. Мейлаху, я получил обширное письмо, содержание которого излагаю с некоторыми сокращениями: «Вы правы, утверждая, что в работах ряда литературоведов в трактовке этих стихотворений ощущается «хрестоматийный глянец». Безусловно, этот вопрос заслуживает научного исследования с подобной аргументацией, в частности, в связи с оценкой Марксом и Энгельсом польского восстания 1831 года... Я полагаю, что эта тема, конечно, заслуживает специальной статьи и Ваше желание написать ее является правомерным». Однако, поскольку сборник «Пушкин. Материалы и исследования» выходит раз в два года, а очередной том только что сдан, следует совет: «вновь обратиться к Базанову, ибо периодичность редактируемого [им] журнала четыре раза в год».

В. Базанов этим советом остался недоволен: «Конечно, Б. Мейлах несколько формально ответил. Большинство ста-

тей о Пушкине рекомендуются в журнал Пушкинской группой ИРЛИ, которую он возглавляет. Я не возражаю, чтобы Вы послали статью прямо в редакцию». Я шлю статью прямо в редакцию, редакция в лице ее ответственного секретаря Ал. Горелова отвечает прямо мне: «Ваша статья не будет опубликована в журнале «Русская литература». Уместнее такого рода материал напечатать в специальном Пушкинском сборнике. В связи с этим журнал передал статью в Пушкинскую группу Института русской литературы».

Очевидно, для того, чтобы выпустить пар из котла, Пушкинская группа пригласила меня выступить на ее заседании. Обсуждение работы состоялось 14 мая 1963 года. Автор выслушал много добрых слов, но публикацию статьи оно не приблизило. Да и не для того собиралось.

И вот статья, о которой шла речь. Я не считал возможным вносить в нее существенные изменения, хотя, конечно, сегодня написал бы ее иначе. Текст лишь несколько сокращен за счет подстрочных примечаний и маловажных деталей — следствий неопытности пера. Цель нынешней публикации видится не только в исследовании проблематики пушкинских стихотворений. Хотелось заодно небольшим штрихом дополнить картину того, как мы жили и работали в те далекие, да и не очень далекие годы.

Мы смотрели на его произведения с любовью, но без ослепления и предубеждений в его пользу или против него.

В. Г. Белинский

Польское восстание 1830—1831 годов было одним из важнейших событий в истории последекабрьской России. Не разобравшись в отношении Пушкина к этому событию, нельзя правильно понять политическую позицию поэта в 30-е годы, в период его наибольшей идейной и творческой зрелости. Интерес к этой проблеме усиливается еще одним обстоятельством: свое отношение к польскому восстанию Пушкин выразил не только в письмах, с ним связано создание двух стихотворений, которые по праву вошли в золотой фонд русской политической поэзии, — «Клеветникам

России» и «Бородинская годовщина». История лирики Пушкина была бы неполной, если бы в ней не нашло места исследование замысла этих стихов, если они не будут изучены в их времени, в породившей их исторической обстановке. Для этого необходимо объективно проанализировать события, вызвавшие к жизни эти стихи и нашедшие отражение в них. Этот анализ должен опираться на достижения исторической науки. Было бы, разумеется, смешно ставить в вину Пушкину то, что он не смог подняться в своей оценке тех или иных явлений до уровня классиков марксизма и даже революционеров-демократов.

I

Отрицательное отношение к независимости Польши сложилось у Пушкина задолго до 1830 года. Уже в 1822 году он писал: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа»³. В поляках поэт видел исконных врагов России, независимость Польши противоречила, по его мнению, интересам русской государственности⁴. Одного этого было достаточно, чтоб Пушкин встретил ноябрьское восстание в Варшаве с тревогой и негодованием: «Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены... Начинаящаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой» (XIV, 421—422). «*Delenda est Varsovia*» (XIV, 150) — так кончает поэт другое письмо.

Исследователи Пушкина не отрицают, что «в отношении к польскому восстанию Пушкин занял одностороннюю и, в конечном счете, ошибочную позицию»⁵, что «Пушкин не смог увидеть и понять объективно освободительной стороны восстания»⁶, что «у него сложилось неправильное понимание вопроса о русско-польских отношениях»⁷. Однако при этом сплошь и рядом выдвигаются дово-

³ Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, М.—Л., 1949, с. 15. В дальнейшем тексты Пушкина цитируются по этому изданию.

⁴ См.: М. Беляев, Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово 1827—1832», «Труды Пушкинского Дома», вып. XLVIII, Л., 1927, с. 257—300. (В дальнейшем: «Письма к Хитрово».)

⁵ И. Сергиевский, А. С. Пушкин, М., 1955, с. 133.

⁶ Д. Благой, Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837). Вступительная статья. — «Литературное наследство», 1952, т. 58, с. 19.

⁷ С. М. Петров, А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества, М., 1961, с. 165.

ды, направленные на то, чтобы «смягчить» ошибочность позиции Пушкина, сделать ее более приемлемой.

Вот основные из этих доводов: во-первых, указания на то, что 130 лет тому назад русско-польский вопрос еще не мог быть решен справедливо и правильно в силу сложившихся тогда исторических условий; во-вторых, стремления объяснить отрицательное отношение Пушкина к польской революции ее внутренней противоречивостью, ее консервативным характером, а также притязаниями польской шляхты на украинские и белорусские земли; в-третьих, утверждения, что позиция Пушкина в польском вопросе базировалась на общеславянских интересах и не противоречила идее общеславянского единства, пропагандистами которой были декабристы и Герцен. Рассмотрим поочередно все эти доводы.

Принцип историзма требует, чтобы общественная позиция писателя, политического деятеля рассматривалась в его времени и была судима по законам, властным над его веком. Чтобы понять историческое звучание стихов Пушкина в его времени, сравним позицию, занятую им в польском вопросе, с позицией его современников — деятелей первого этапа освободительного движения в России.

Во взглядах декабристов на польский вопрос не было полного единства. Незначительная часть членов тайных обществ, представлявшая в основном высшую родовую аристократию, выступала против предоставления Польше независимости. Об этом имеется много упоминаний в литературе о Пушкине⁸. К сожалению, трудно найти в ней упоминания о другом: о том, что большая и наиболее передовая часть декабристов хотела видеть Польшу независимой⁹. «...По правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование»¹⁰, — писал Пестель в «Русской правде». Это было не личное мнение одного деятеля,

⁸ См.: М. Беляев, Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн.: «Письма к Хитрово», с. 258—259; Б. П. Городецкий, Лирика Пушкина, М.—Л., 1962, с. 394; Л. Гроссман, Пушкин, М., 1958, с. 406.

⁹ Герцен писал: «Муравьев, Пестель и их друзья первые протянули руку полякам». — А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 12, М., 1957, с. 90. П. Ольшанский в книге «Декабристы и польское национально-освободительное движение» (М., 1959) не только убедительно доказывает, что дворянские революционеры «отстаивали свободу и независимость братского польского народа» (с. 163), но и говорит о том, как встретили декабристы весть о восстании в Варшаве, как сердечно, как товарищей по оружию, принимали они участников восстания, ставших жертвами царских репрессий.

¹⁰ «Восстание декабристов. Документы», т. 7, М.—Л., 1958, с. 123.

это была программа Южного общества, принятая на его втором съезде¹¹. На безусловном признании польской независимости строились планы совместной борьбы против царизма русских и польских революционеров. Когда М. Бестужев и С. Муравьев вели переговоры с поляками и им был задан вопрос: «С какими намерениями хотите вы союза с нами?», С. Муравьев ответил: «...Первый их пункт есть независимость Польши». «Русское общество, — заявил он далее, — предлагает Польше возвращение прежней ее независимости»¹².

В связи с польским восстанием Пушкин писал:

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом опьянела
И смертная борьба началась
При крике «Польска не згинела» —
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

«Грустно было слышать толки м<осковского> общества во время после<днего> польск<ого> возму<щения>. Гадко было видеть бездушного читателя фр<анцузских> газет, улыбающегося при вести о наших неудачах» (XI, 482).

Мы не знаем, кому адресованы эти страстные стихи, чье «бездушие» так возмущало Пушкина. Но мы знаем, что они вполне могли быть адресованы, например, Герцену, который писал об этих же днях: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков»¹³. «Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы; мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам»¹⁴. Мы располагаем многочисленными документами, мемуарами, письмами, подтверждающими, что хотя эти строки были написаны позднее, они правдиво и точно говорят о том, что думали и чувствовали Герцен и люди его круга в те дни, когда Пушкин писал «Клеветникам

¹¹ «Восстание декабристов. Материалы», т. 4, М.—Л., 1927, с. 275, 349.

¹² П. О л ь ш а н с к и й, Декабристы и польское национально-освободительное движение, с. 97.

¹³ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 8, с. 134.

¹⁴ Там же, т. 7, с. 313.

России» и «Бородинскую годовщину». Советскими историками Г. Фруменковым и И. Федосовым собран большой материал, свидетельствующий о солидарности передовых представителей русского общества с борцами за свободу и независимость Польши, о том, что передовые русские люди в 1830—1831 годах не только горячо сочувствовали польским повстанцам, но и пытались оказать им помощь в их борьбе с царизмом¹⁵.

Отношение Герцена к восстанию 1830—1831 годов в основном разделяла наиболее передовая часть следующего поколения в русском освободительном движении — революционеров-демократов. Вспомним хотя бы о нелегальной прокламации «Русским солдатам от их доброжелателей поклон», написанной известным революционным деятелем, соратником Н. Чернышевского — Н. Шелгуновым: «Братцы! Помните ли вы последнюю Польскую войну, помните ли вы войну Венгерскую? Спрашивали ли вы себя, для чего вас посылали командиры? Для кого нужна, кому выгодна была эта война?.. в Польскую и Венгерскую войну поляки и венгерцы стояли за святое дело, за свою родину, а мы стояли за дело проклятое, потому что, как разбойники, пришли в чужую землю, чтобы грабить и разорять ее...»¹⁶

¹⁵ См.: Г. Г. Фруменков, К вопросу об отношении передовых представителей русского общества к восстанию в Польше 1830—1831 гг. — Сборник трудов Архангельского государственного педагогического института им. М. В. Ломоносова, вып. 2, Архангельск, 1958, с. 50—65; И. А. Федосов, Революционные кружки в России конца 20-х — начала 30-х годов XIX в. — «Исторические записки», № 59, 1957, с. 211—254.

В отчете за 1831 год Бенкендорф был вынужден признать: «Дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства. Вредные толки либерального класса людей, особливо молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения. В Москве обнаружались даже и преступные замыслы... Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольтства пустил бы в отечестве нашем сильные отрасли» (цит. по: И. А. Федосов, Революционные кружки в России... — «Исторические записки», № 59, с. 236). Восстание 1830—1831 годов оказало революционизирующее влияние даже на царскую армию. Известны случаи перехода русских солдат на сторону повстанцев: См.: «Historia Polski», t. 2, cz. 2, Warszawa, 1958, s. 462.

¹⁶ Н. В. Шелгунов, Воспоминания, М.—П., 1923, с. 303, 304. Почти теми же словами характеризует экспансионистскую политику царизма в Польше Ф. Энгельс: «Здесь уж и говорить не приходится о воссоединении рассеянных родственных племен, носящих русское имя, тут мы имеем дело с неприкрытым насильственным завоеванием чужой территории, с простым грабежом» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 22, с. 31).

Если 130 лет назад польский вопрос в силу исторических условий не мог быть решен до конца справедливо и правильно, что стало возможным лишь в наши дни, то и тогда можно было стоять ближе к этому решению и дальше от него. Пушкин стоял от него дальше, чем наиболее передовые люди его времени.

Некоторые исследователи объясняют отрицательное отношение Пушкина к восстанию 1830—1831 годов противоречивостью и шляхетским характером восстания. И. Сергиевский при этом утверждает, что польское восстание «в слабой степени» носило «национально-освободительный характер»¹⁷, а Б. Городецкий из многочисленных высказываний Маркса и Энгельса о польском восстании, в совокупности дающих ему разностороннюю и исчерпывающе полную оценку, выбирает лишь одно, где Энгельс говорит о польском восстании: «это была консервативная революция»¹⁸.

Прежде всего необходимо правильно понимать смысл высказывания Энгельса. Слово «консервативный» у Энгельса отнюдь не всегда означает «реакционный». «Консервативными революциями» Маркс и Энгельс называли и английскую буржуазную революцию, и французскую 1789 года на первом ее этапе¹⁹. Этим классики марксизма подчеркивали недостаточную радикальность этих революций, то, что они нерешительно порывали с прошлым. Но, разумеется, Маркс и Энгельс были далеки от того, чтобы отрицать их огромное прогрессивное значение.

Следует учесть контекст, в котором высказана эта мысль Энгельса. Энгельс выступал на праздновании второй годовщины Краковского восстания 1846 года. Сравнивая 1846 год с 1830-м, он подчеркивал различие между этими двумя революциями, «огромный прогресс» в демократизации польского освободительного движения. Поэтому он подчеркивал в восстании 1830 года в первую очередь те черты, которые отличают его от Краковского восстания 1846 года, в частности, его консервативный характер.

Маркс и Энгельс беспощадно высмеивали тех своих современников, которые удивлялись их выступлениям в защиту «аристократической касты», стоявшей во главе польской революции 1830 года и венгерской революции 1849 года, не умели за ее консерватизмом увидеть главное — прогрессивный характер национально-

¹⁷ И. Сергиевский, А. С. Пушкин, с. 133.

¹⁸ Б. П. Городецкий, Лирика Пушкина, с. 394.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, с. 220.

освободительной борьбы, которую она возглавляла. «В 1830 г., когда поляки восстали против России, была ли речь о том, что во главе восстания стояла «аристократическая каста»? Тогда прежде всего шла речь о том, чтобы изгнать чужеземцев. Вся Европа была на стороне «аристократической касты», которая несомненно возглавляла движение, так как польская дворянская республика была все-таки колоссальным шагом вперед по сравнению с русским самодержавием»²⁰.

Наконец, наряду с аристократическим большинством в революционной Польше 30-го года было демократическое меньшинство: «... В лоне этой консервативной революции, в самом национальном правительстве имелся человек, который резко критиковал узость взглядов господствующего класса... В призыве к оружию всей старой Польши, в превращении войны за независимость Польши в европейскую войну, в предоставлении гражданских прав евреям и крестьянам, в наделении последних земельной собственностью, в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал он путей для превращения национальной борьбы в борьбу за свободу... Это был Лелевель»²¹. Может быть, осуждая «консервативную революцию» 30-го года в целом, Пушкин поддерживал ее левое, демократическое крыло? Факты говорят об обратном. Имя Лелевеля было для Пушкина синонимом польской революции²². Когда Лелевель выступил 25 января 1834 года в Брюсселе с речью, посвященной «годовщине свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 года и гибели русских патриотов», в ней нашло место полное уважения и любви упоминание о Пушкине. Пушкин откликнулся на известие об этой речи Лелевеля в письме Г. Строганову: объятие Лелевеля представляется ему горше ссылки в Сибирь (см. XV, 126).

Объяснение позиции Пушкина по польскому вопросу притязаниями поляков на украинские и белорусские земли также представляется неудовлетворительным. Пушкин был противником польской независимости вообще, любая граница между Россией и независимой Польшей была для него неприемлемой. Включение Польши в состав русской империи он считал условием существования России:

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 6, с. 325.

²¹ Там же, Сочинения, т. 4, с. 492.

²² См. черновик стихотворения Пушкина «Ты просвещением свой разум осветил» (III, ч. 2, 1049—1050), а также: Н. Л е р н е р, Пушкин и Лелевель. — «Исторический вестник», 1905, № 8, с. 620—623.

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

На месте Польши Пушкин хотел видеть «Варшавскую губернию» (XIV, 423). Вопрос о границах «Варшавской губернии» не мог иметь для него первостепенного значения.

Куда отвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?

Этими строками Пушкин не обсуждает, где пройдет русско-польская граница: это уже решили штыки Паскевича. Пушкин обращается к политическим деятелям Запада, когда от их надежд на польскую независимость не осталось камня на камне, и иронически ставит перед ними вопросы, на которые уже был дан ответ:

Что взяли вы?..
... скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?..
От нас отторгнется ль Литва?..
Ваш бурный шум и хрипый крик
Смутили ль русского владыку?
И т. д.

Вспомним, что позднее на территориальные претензии поляков будет ссылаться Аксаков, оправдывая захватническую политику царизма, вспомним, как ответит ему Герцен: «Да, видите, их притязания, границы»... Если б вина была со стороны Польши, вам-то что же было предупреждать их ошибки и, боясь, что они потребуют много, отнимать у них все?»²³

Делаются и попытки доказать, что, «говоря о том, что взаимоотношения России и Польши есть «дело семейственное», Пушкин не противоречил тем самым идее всеславянского единения, которая была близка идеологии дворянской революционности от декабристов до Герцена и нашла свое выражение в создании самостоятельной декабристской организации — Общества соединенных славян»²⁴.

²³ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 19, с. 247. Польское освободительное движение неоднократно изображалось представителями черносотенной и либерально-монархической историографии «исключительно как попытка шляхты восстановить феодальное государство в границах 1772 г. ... замалчивались его демократические, интернационалистические традиции... раздувались споры о границах» (А. Ф. Смирнов, Революционные связи народов России и Польши, 30—60 годы XIX века, М., 1962, с. 6).

²⁴ Б. П. Гордецкий и, Лирика Пушкина, с. 394.

Стремление к всеславянскому единению может, однако, вдохновляться самыми различными соображениями. Не раз его знамя покрывало черные дела русского царизма. Оправдывать то или иное выступление ссылкой на то, что оно «не противоречит идее всеславянского единения», — значит открывать дорогу панславизму — идеологии агрессии и экспансий, злейшему врагу демократического преобразования славянских стран и подлинного славянского единства. Поэтому исследователь Общества соединенных славян М. Нечкина специально подчеркивает: «Идея республиканского всеславянского единения, лишенного эгиды двуглавого орла, основанная на прочном социальном преобразовании — отмене крепостного права, решительно отмежевывает общую идеологию Борисовых и Люблинского от течений великодержавного панславянизма»²⁵.

Как и «соединенные славяне», Герцен считал, что объединение России с Польшей должно быть свободно от какого бы то ни было принуждения и что обязательным условием его является «признание со стороны России безусловной независимости Польши... Польша не может и не должна иначе соединиться с Россией, как на основе своей свободы и национальной независимости, — и это наступит тогда, когда Россия сбросит с себя ярмо императорской власти... Те, кто несочувственно относится к защите территориальных прав, отрицают тем самым республиканское объединение славянских народов»²⁶. «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России. Желаем ли мы, чтоб свободная Польша отторглась от свободной России, — это другой вопрос... Если Польша не хочет этого союза, мы можем об этом скорбеть, можем не соглашаться с ней, но не предоставим ей воли — мы не можем, не отрекаясь от всех основных убеждений наших»²⁷.

Такова позиция Герцена. Сравнивая ее с позицией Пушкина, нельзя не отметить коренных различий. Пушкин допускал насильственное объединение славян, причем объединение под эгидой русского царя — «в русском море». Герцен, как и Люблинский и Борисовы, хотел соединения, Пушкин — присоединения. Те, кто не видит этой разницы, заблуждаются сами либо вводят в заблуждение других.

²⁵ М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 2, М., 1955, с. 152.

²⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 12, с. 212, 213.

²⁷ Там же, т. 14, с. 18—19.

Исследователи Пушкина неоднократно и с полным основанием утверждают, что стихи «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» обращены не к польским революционерам, а к политическим деятелям Западной Европы. Выяснение того, кем были эти деятели, какова была их политическая позиция, имеет важнейшее значение для правильного понимания стихов и взглядов Пушкина.

Как уже говорилось, польская революция была ударом не только по царизму, но и по всей системе Священного Союза. Поэтому она с самого начала привлекала к себе напряженное внимание как революционных, так и консервативных кругов Запада. С другой стороны, и для России имело решающее значение, какую позицию займет в русско-польском конфликте Западная Европа. Каждое слово, сказанное на Западе о Польше, ловилось на лету и встречало живой отклик.

Булгаринская «Северная пчела» вела ожесточенную полемику с политическими кругами Европы, выступавшими в защиту Польши. Из номера в номер печаталась серия «Писем к другу за границу»: «О бреднях иностранных журналов», «Что есть, что быть должно и что будет», «Русская правда и чужеземная клевета» и др. Авторы этих статей полемизируют с теми кругами на Западе, которые «устремляют бессильные свои удары противу России... За что же этот гнев? За то, что Россия спокойна, счастлива, с негодованием отвергает лжеумствования, губящие народы, и твердая в Вере отцев своих, в преданности к Престолу, как исполинская и притом плодородная гора, стоит безвредно среди вулканов... Никогда Россия не была так сильна, как при Императоре Александре и в нынешнее время. Какое же употребление сделала Россия из своей силы? Освободила Европу от всемирного завоевателя, восстановила падшие народы и престолы, и обеспечила всем права и мудрые законы»²⁸. «...вся Россия из конца в конец ополчится по одному слову Государя, — говорится в другой статье. — Пример 1812 года еще у всех перед глазами...»²⁹. «Какая цель врагов наших? — пишет автор третьей. — Возбудить противу России ненависть Европы? За что же эта ненависть? За то, что Россия могущественна, спокойна, доброжелательна ко всем народам, гостеприимна и торжествует над врагами, дерзающими вызывать ее на поле битв... По первому слову Царя

²⁸ «Северная пчела», 1831, № 43.

²⁹ Там же, 1831, № 92.

Русского, соберутся верные сыны России под знамена, раз-
зевавшиеся на берегах Евфрата и Сены, на вершинах Тавра,
Балкана, Альпов, на укреплениях Варшавы...»³⁰ Политиков,
выступающих в защиту Польши, автор называет «народными
крикунами, клеветствующими ныне на Россию», «врагами
нашими», «клеветниками России».

Автор подчеркивает, что его обвинения адресованы не
правительствам западных держав, а тем кругам, которые
сами враждебны этим правительствам: «Само по себе разу-
меется, что Правительства тех стран, в которых изготавля-
ется яд клеветы противу России, совершенно чужды гнус-
ным замыслам скопищ, беснующихся вообще противу вся-
кой власти и дышащих безначалием... те листки, в которых
печатаются брани противу России ... с равным ожесточени-
ем нападают на собственные Правительства...»³¹.

Соответствуют ли истине эти утверждения? Верно ли,
что правительства европейских стран были чужды всякого
стремления помочь восставшей Польше в ее неравной
борьбе с царизмом? Факты дают утвердительный ответ на
этот вопрос. Австрия и Пруссия, боясь, что искры польско-
го пожара воспламят их собственные дома, сами энер-
гично помогали царизму в расправе с восставшими³². Ни
одного шага, направленного на помощь полякам, не сдела-
ла и Англия, премьер-министра которой лорда Пальмер-
стона Энгельс называл «злейшим врагом» Польши и «по-
собником России»³³. Аналогичную оценку дал его деятель-
ности и Маркс в статье «Лорд Пальмерстон»³⁴.

Несколько более сложной была позиция Франции.
Польская революция спасла Июльскую монархию от рус-
ской интервенции, и французское правительство боялось,
что слишком быстрое падение Варшавы может вновь по-
ставить под удар Париж. По этой причине, а также под дав-

³⁰ «Северная пчела», 1831, № 246, 249.

³¹ Там же, 1831, № 246.

³² См. об этом: Н. С. К и н я п и н а, Реакционная политика европей-
ских держав в польском вопросе (1830—1831). — «Вестник Московского
университета», 1952, № 7, с. 71—86; В. И. П и ч е т а, Россия и Пруссия в
период польского восстания 1830—1831 гг. — «Ученые записки Инсти-
тута славяноведения», 1951, т. III, с. 137—175.

³³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, т. 16, с. 156.

³⁴ Богатый фактический материал, иллюстрирующий эти положения,
содержит книга: J. A. Betley, Belgium and Poland in International
Relations 1830—1831, 1960. В ней, в частности, публикуется письмо
Пальмерстона английскому представителю в Варшаве Чэду от 3 мая
1831 года, в котором говорится: «Не следует полагать, что английское
правительство враждебно России» (с. 275). См. также: С. W e b s t e r, The
Foreign Polici of Palmerston, 1830—1841, v. I, London, 1951.

лением общественного мнения французское правительство сделало восставшим полякам несколько нерешительных дипломатических реверансов. Однако на всем протяжении восстания Франция не оказала ему никакой реальной помощи.

Едва в Париже получили первые известия о восстании в Варшаве, французскому поверенному в делах в Петербурге было поручено заверить царское правительство, что Франция не окажет помощи восставшим. «Франция стремится к укреплению связей, соединяющих ее с Россией в течение последних 15 лет»³⁵, — говорилось в инструкции министерства иностранных дел. 28 декабря глава французского правительства Лафит заявил в палате депутатов, что Франция не намерена вмешиваться в чужие дела и приложит все усилия, чтоб сохранить мир в Европе. «Франция отнюдь не хочет занять враждебную позицию в отношении России», — писал министр иностранных дел Себастиани французскому представителю в Варшаве Мортье 1 февраля 1831 года. После того как премьер-министром стал Казимир Перье, политика Франции приняла еще более явно антипольский характер. Казимир Перье писал: «Франция должна признать за Россией полную свободу подавления беспорядков в Польше». Чего стоит здесь одно слово «беспорядков» («troubles»)!
«Мы не хотим войны», — вторил ему Себастиани. Ему же принадлежит циничная фраза, сказанная в палате депутатов, когда Варшава была взята царскими войсками: «Порядок царит в Варшаве». Царское правительство и его посол в Париже были довольны внешней политикой Франции³⁶. «Северная пчела» сочувственно сообщала о борьбе, которую вело правительство в палате депутатов, защищая свою антипольскую политику: «Министры и их приверженцы искусно и умно защищались. Речь К. Перрье, Графа Себастиани, Барта, Гизо, Тьера и некоторых других лиц были ясны, отчетливы, убедительны»³⁷.

Можно приводить бесконечное множество фактов, свидетельств и документов, подтверждающих, что в 1831 году ни одно западноевропейское государство не собиралось нападать на Россию. Но делать это — значит доказывать то, что уже полностью доказано советской и польской исторической наукой, что подтверждают и учебники, и наиболее авторитетные курсы, и десятки специальных исследований,

³⁵ J. Dutkiewicz, *Franzja a Polska w 1831 R.*, Lods, 1950, S. 41. Далее эта книга обозначается сокращенно: Dutkiewicz.

³⁶ Dutkiewicz, S. 87, 87—88.

³⁷ «Северная пчела», 1831, № 220.

советских и зарубежных. Утверждение, что в 1831 году Россия угрожала интервенция западных держав, ничем не может быть аргументировано и не имеет права на существование в научной литературе. Остается только пожалеть, что с этих позиций так часто анализировались стихи Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», и удивляться появлению на страницах научных работ таких, например, утверждений: «В 30-х годах XIX века буржуазно-помещичья Европа... попыталась проявить вероломство и угрожать нападением нашей стране»³⁸. «...Правительства Западной Европы... намеревались активно поддержать польское восстание»³⁹. «В начале 30-х годов XIX века некоторые европейские государства, воспользовавшись общественным возбуждением в Польше, начали проповедовать «крестовый поход» против России»⁴⁰. «В начале тридцатых годов прошлого столетия в Европе началась подготовка «крестового похода» в Россию. Русский народ был непреодолимой преградой для агрессии западноевропейских держав и силой, которая разрушала планы мировых завоевателей»⁴¹. «...Буржуазная французская монархия, опираясь на помощь Англии, стремится к развязыванию новой губительной войны в Европе, войны, прикрывающейся демагогическим заявлением о борьбе против русского царизма, а на деле необходимой английскому и французскому буржуазному правительству»⁴². И это написано об Июльской монархии.

Пушкин разбирался в политической обстановке 30-х годов значительно лучше, чем некоторые его исследователи. Он дважды и определенно подчеркнул, что требования поддержать польскую революцию исходят не от правительств западных держав: «...конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения»⁴³, волнуемые журналами, тре-

³⁸ А. В. Козырев, Патриотизм Пушкина. — «Великий русский поэт А. С. Пушкин 1799—1949». Сборник статей к 150-летию со дня рождения, Ставрополь, 1949, с. 35.

³⁹ Б. П. Горюнов, Лирика Пушкина, с. 396.

⁴⁰ А. А. Зерцанов и Н. Г. Порфиридов, Русская литература. Учебник для I курса педагогических училищ, М., 1953, с. 303.

⁴¹ В. Котов, Пушкин про героїчне минуле нашої країни. — «Дніпро», 1949, № 7, с. 112.

⁴² З. С. Шепелева, 1812 год в творчестве Пушкина («Ученые записки Костромского гос. пед. института им. Некрасова», 1952, вып. 1, с. 132).

⁴³ Говоря о «молодых поколениях», Пушкин имеет в виду определенные социальные слои в современной ему Франции. В письме к Хитрово он выражал опасение, что «новый избирательный закон посадит на депутатские скамьи молодое, необузданное поколение, неустрашенное экс-

буют войны...» (XIV, 283). «Конечно выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention, т. е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лаят» (XIV, 169).

Кто же были те «народные витии», «черни бедственной набат», к которым обращался в своих стихах Пушкин?

III

На протяжении десяти месяцев польского восстания во французской палате депутатов не прекращались ожесточенные дебаты о политике Франции в русско-польском конфликте. Депутаты Ламарк, Моген, Биньен, Лафайет и ряд других, резко критикуя правительство, требовали оказания помощи Польше. Хотя польским повстанцам сочувствовали широкие круги французского общества, сторонники Польши в палате депутатов составляли несомненное меньшинство. Показателен и характерен тот факт, что помощи Польше требовала именно левая оппозиция, либерально настроенная часть палаты. Интересны характеристики, которые дал этим людям Герцен в «Былом и думах»: «Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием, за смелыми вопросами и резкими ответами, за генералом Лафайетом и за генералом Ламарком, мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты...» «Либерализм его, — говорит Герцен об одном русском деятеле, — был чистейший, трехцветной воды, левого бока между Могеном и генералом Ламарком»⁴⁴. Хотя по составу парламентская оппозиция была разнородной (в нее входили как республиканцы различных мастей, так и умеренные монархисты) и радикализм ее, в общем, был умеренным, ее борьба с правительством отражала классовую борьбу в стране, и в польском вопросе она явилась рупором самых демократических сил, трудящихся масс⁴⁵.

Десятимесячная борьба за Польшу во французской палате депутатов окончилась 22 сентября, когда большинст-

цессами республиканской революции» (XIV, 422) По справедливому замечанию Б. Томашевского, в этом письме выражается тревога, что понижение возрастного ценза приведет к падению границы, «отделяющей умеренный либерализм от радикального» (Б. В. Томашевский, Французские дела 1830—31 г. в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн. «Письма к Хитрово», с 354).

⁴⁴ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 8, с 134, 173.

⁴⁵ Это особенно очевидно, если вспомнить, кто высказывался против оказания помощи Польше Среди них был и Тьер

вом 221 голоса против 136 была принята резолюция, одобряющая внешнюю политику правительства. Внося эту резолюцию, депутат Ганерон подчеркнул, что Франция не намерена повторять войны 1793 года⁴⁶. Но борьба за Польшу шла не только на парламентских трибунах, она шла на страницах газет и журналов, в строках стихов и поэм.

Передовая французская поэзия вела страстную полонифильскую пропаганду. В поляках видели передовой отряд европейской революции, храбро выступивший против оплота Священного Союза и международного жандарма, каким с полным основанием считали русский царизм. «Польское восстание стало для народов Европы символом борьбы против деспотизма и угнетения народов»⁴⁷. Сознание того факта, что восстание в Варшаве только что спасло Европу от русской интервенции, еще более усиливало симпатии к повстанцам.

Центром антиниколаевской пропаганды во Франции был Комитет по оказанию помощи восставшим полякам, имевший филиалы во многих городах страны. Во главе Комитета стоял Лафайет, его членами были Беранже, Гюго, Делавинь, Давид и другие видные деятели французской культуры⁴⁸.

10 июля 1831 года Беранже писал Лафайету, что он считает «за честь одним из первых поддержать начинания, которые вы предприняли в пользу этого справедливейшего дела»⁴⁹. Беранже издал в пользу Комитета брошюру с четырьмя стихотворениями. В стихотворении «Спешите» поэт призывает оказать помощь революционной Польше:

«...На корню раздайте платья,
Продайте свой мишурный хлам!
В далекой Польше гибнут братья!
Спешите! Честь и слава там!»

Кто слышит Польши стон кровавый, —
О царь! Бледней пред карой правой!
Держава пала бы твоя.

⁴⁶ См.: Dutkiewicz, S. 142.

⁴⁷ «Historia Polski», t. 2, cz. 2, S. 461—462.

⁴⁸ Деятельность Комитета была, разумеется, частным делом и не имела никакого влияния на правительство, которому была весьма неприятна. Известно, что сам Луи-Филипп пытался склонить Лафайета отказаться от помощи польским революционерам. См.: Dutkiewicz, S. 150—151.

⁴⁹ Пьер-Жан Беранже, Полн. собр. песен, т. II (1830—1857), М.—Л., 1936, с. 563.

Поляки, бедные друзья!

Спешим! Но я бессильный гном.
Услышь мой плач, творец вселенной!
Заступник вольности священной,
Ты скорбной Польши зрел разгром,
Да грянет на врага твой гром!

Пусть голос мой гремит трубою,
Взывающий к немым громам,
И повторит весь мир за мною:
«Спешите! Честь и слава там!»

Другое стихотворение — «Понятовский» Беранже посвятил польскому маршалу, сражавшемуся во французской армии и утонувшему после Лейпцигской битвы в Эльстере, потому что французы не протянули ему руки.

В мои слова дай, боже, веру людям!
К тебе опять поднялся с дальних нив
Тот крик, что все теперь мы слышать будем:
«Француз, дай руку — и я буду жив!»

Крик жертвы, что по Эльстеровым водам
Вошел в века, нам честно отслужив,
Сегодня целым повторен народом:
«Француз, дай руку — и я буду жив!»

Советский исследователь творчества Беранже справедливо отмечает: «Для композиции этого сборника («Полное собрание песен». — Л. Ф.) не случайно присутствие песни «Моим друзьям, которые стали министрами», ибо тщетные призывы о помощи полякам вполне логично приводят поэта к необходимости отмежеваться от правительства Июльской монархии»⁵⁰.

Естественно предположить, что полонофильская деятельность Беранже была одной из причин отрицательного отношения к нему Пушкина, называвшего его «несносным Беранже, слагателем натянутых и манерных песенок» (XI, 219).

Широко известны были песни Делавиня «День гнева Костюшко» и «Варшавянка», ставшая гимном польских повстанцев. Делавинь писал:

Свободы свет иль мрак могилы
Пусть ныне изберут сыны страны моей!
Поляки, в бой за честь народа!
Пусть барабаны вторят вам!

⁵⁰ Ю. Д а н и л и н, Беранже и его песни, М., 1958, с. 136.

К штыкам!
Да здравствует свобода!

В таком же духе писали Жюльен, Барбье, Гюго и др. С марта 1831 года в Париже издавался еженедельный журнал стихотворной политической сатиры «Немезида». Издателем его был Бартеlemi. Наступательная, негодующая, убийственно насмешливая сатира «Немезиды», бичевавшая реакционную внешнюю и внутреннюю политику Июльской монархии, буржуазию, дворянство, духовенство, громко говорившая о бедствиях рабочего класса и его праве на борьбу, была одним из самых прогрессивных явлений во французской литературе своего времени. И естественно, «Немезида» резко критиковала Июльскую монархию за ее отказ от поддержки польской революции, за то, что «министры-биржевики» записывают в свой приход «доходы от позора» и «дисконтируют кровь, проливаемую Польшей»⁵¹.

Вообще прослеживается явная тенденция: чем более левую, радикальную, антиправительственную позицию занимал тот или иной писатель, политическая группа или газета, тем сильнее звучали у них требования протянуть руку борющейся Польше, выступить против русского царизма⁵².

Какие газеты резче всего критиковали трусливую, эгоистичную политику правительства и призывали к вмешательству в русско-польский конфликт? Преимущественно это были органы левой оппозиции: «La Revolution», «Gazette des Tribunaux», «Le Courrier Français», «Le National». Официоз правительства «Moniteur» выражал свое сочувствие Польше, признавал за ней право на французскую помощь, но доказывал, что Франция практически не в состоянии ей эту помощь оказать. Но наиболее миролюбиво и дружественно в отношении России были настроены даже не официозные органы, а ультраправая, роялистская печать: «Gazette de France», «Quotidienne».

Самую горячую поддержку находила борющаяся Польша у французского рабочего класса. Не один раз труженики Парижа и других городов Франции выходили на улицу,

⁵¹ См.: «История французской литературы», т. II (1789—1870), М., 1956, с. 196.

⁵² В письме от 2 декабря 1856 года Маркс обращает внимание Энгельса на «тот исторический факт, что сила и жизнеспособность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряются их отношением к Польше. Польша — их «внешний» термометр. Это можно подробно показать на примере французской истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 29, с. 67—68).

чтоб продемонстрировать свою солидарность с Польшей. 10 и 11 марта состоялись демонстрации под лозунгами «Да здравствует Польша!», «Война России!» 1500 участников демонстрации, среди которых было много студентов, направились к зданию русского посольства в Париже и выбили в нем стекла. По свидетельству Луи Блана, демонстрация была организована Обществом друзей народа, революционной республиканской организацией, впоследствии запрещенной и привлеченной правительством к суду⁵³.

Правительство приняло против демонстрантов энергичные меры. Король и герцог Орлеанский были так испуганы, что эта демонстрация может нарушить добрые отношения с Россией, что немедленно направили своих адъютантов к русскому послу с извинениями, а Себастиани, кроме того, послал в Петербург официальную ноту, в которой выражалось глубокое сожаление в связи с произошедшими инцидентами. Булгаринская пресса считала демонстрацию делом рук «буйной Парижской черни» и не имела никаких претензий к правительству, принявшему «все нужные меры, чтобы предупредить возобновление неистовств»⁵⁴.

После получения известия о падении Варшавы в Париже три дня не прекращались демонстрации революционно настроенных республиканцев. «Осень 1831 года, — пишет советский историк, — ознаменовалась замечательными выступлениями французских демократов в защиту польского народа, его повстанцев...»⁵⁵ Из оружейных лавок было захвачено оружие; ночью в окнах министерства иностранных дел были выбиты стекла. 17 сентября дело дошло до баррикадных боев. С утра толпа в 400 человек осадила здание министерства иностранных дел. Казимир Перье и Себастиани, в полдень ехавшие в карете, подверглись нападению и с большим трудом уехали обратно. В городе закрылись все магазины и прекратилась торговля. Из опрокинутых омнибусов и карет начали строить баррикады. Вечером революционные рабочие и студенты очистили от публики зал Варьетэ, а затем и другие театры вынужде-

⁵³ См.: L. Blanc, Histoire de dix ans (1830—1840), V. 2, Paris, 1844, p. 277.

⁵⁴ «Сын Отечества и Северный Архив», 1831, т. 18, с. 320; «Северная пчела», 1831, № 61.

⁵⁵ Любопытна реакция Николая I на эти выступления. Он писал Паскевичу: «В Париже бесились несколько дней сряду и нас ругали до крайности; но все это очень хорошо, ибо доказывает ясно, что они заодно стояли, и что сей удар, par contre coup, им отдался сильно» (Н. К. Шильдер, Император Николай Первый, его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1903, с. 380).

ны были прекратить спектакли»⁵⁶. Республиканские газеты вышли в траурных рамках. На улицах висели прокламации: «Героическая Польша, трусливо покинутая, — грозный урок для нас. Граждане, не ждите его последствий. К оружию!»⁵⁷ Общество друзей народа обвиняло министров короля в том, что они, «подобно Каину, имеют на лбу кровь Польши». На «Процессе пятнадцати» республиканец Делонэ говорил: «Правительство пошло на унижительную сделку со "Священным Союзом". Если бы правительство не стесняло бы наши усилия, Польша, может быть, еще жила бы. Война против Священного Союза, — вот что требует народ»⁵⁸.

На таких же позициях стоял и Огюст Бланки. 2 февраля 1832 года он выступил с речью, в которой говорил и о Польше. Разумеется, речь не могла служить поводом для написания пушкинских стихов, так как была произнесена несколькими месяцами позже. Но, выясняя политическое лицо тех, кто в 1831 году требовал вмешательства в русско-польский конфликт, мы не можем обойти Бланки. В своей речи Бланки бичевал правительство Июльской монархии за ту фактическую поддержку, которую оно оказало России во время польского восстания: «Русские уничтожили Польшу. Наше правительство воскликнуло «очень хорошо!» и пало ниц перед Россией». Бланки говорил о том, что именно буржуазия страшилась европейской войны: «Война! О боже! Это слово заставляет буржуа бледнеть. Послушайте их! Война — это банкротство, война — это республика!.. буржуазия не решится на войну... казаки пугают их меньше, чем чернь, одетая в куртки»⁵⁹. Нельзя не согласиться с выводом, который делает польский историк Дуткевич в своей монографии «Франция и Польша в 1831 году»: «Симпатия французского народа к Польше в 1831 году останется примером пробуждения интернационалистических чувств в прогрессивном лагере»⁶⁰.

И о какой бы европейской стране мы ни говорили,

⁵⁶ И. С. Киссельгоф, *Борьба республиканцев Парижа против Июльской монархии и «Процесс пятнадцати» (1831—1832 гг.)*. — «Ученые записки Башкирского государственного педагогического института им. К. А. Тимирязева», вып. VII. Серия исторических наук, № 1, Уфа, 1956, с. 89—90.

⁵⁷ Там же, с. 91.

⁵⁸ Там же, с. 91, 103.

⁵⁹ Л. О. Б л а н к и, *Избранные произведения*, М., 1952, с. 103, 104.

⁶⁰ Dutkiewicz, S. 150.

будь то Англия, Бельгия, Австрия или Германия, мы видим одну и ту же картину: правительства, правящие круги активно помогают русскому царизму, а те, кто выступал в защиту Польши, кого в пушкинской литературе так часто именовали «представителями агрессивных кругов», «эксплуататорскими классами», «красноречивыми краснобоями» и даже «поджигателями войны», — это самые передовые, самые революционные силы в Европе 30-х годов. Во Франции делу восставшей Польши сочувствовал Огюст Бланки, в Австрии — Людвиг Кошут, в Германии — Людвиг Берне и Генрих Гейне. Берне посвятил Польше полные гнева и боли строки своих «Парижских писем». Гейне писал: «Мне кажется, что кровь Варшавы брызжет на мою бумагу, и будто до меня доносится радостное ликование берлинских офицеров и дипломатов». Луи-Филипп «не имел права этим путем вымалывать мир... не имел права предавать палачам свободу остального мира»⁶¹. В Германии создавались общества содействия повстанцам, для оппозиционной печати охваченная революцией Варшава была символом свободы. Разумеется, полонофильские выступления вызывали недовольство правительства, газеты, выражавшие сочувствие Польше и выступавшие против России, и их издатели подвергались гонениям и репрессиям⁶².

«Клич "Да здравствует Польша!", который раздался тогда по всей Западной Европе, — писали о 1830 году Маркс и Энгельс, — был не только выражением симпатии и восхищения патриотическими бойцами, которых сломали с помощью грубой силы, — этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали поход контрреволюции... Клич "Да здравствует Польша!" означал сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии, смерть монгольскому господству над современным обществом!»⁶³

Поражение польского восстания решало не только участь Польши, оно укрепляло позиции европейской реакции, Меттерних не скрывал своей радости: «Окончание польского восстания является самым замечательным событием настоящего времени. Освободившееся оружие может быть употреблено, в случае

⁶¹ Г. Гейне, Собр. соч., т. 5, Л., 1958, с. 165, 302.

⁶² См. об этом: П. Е. Щеголев, Пушкин. Исследования, статьи и материалы, т. 2, М.—Л., 1931, с. 360.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, с. 247, 248.

необходимости, в другом месте и победа будет обеспечена...»⁶⁴

В литературе о Пушкине многократно повторялась мысль, что сочувствие, которое выражали Польше «клеветники России», было неискренним, что они пытались «использовать Польшу в своих интересах»⁶⁵, вмешаться «во внутренние дела России под лицемерным предлогом защиты польской конституции»⁶⁶, «под фальшивым лозунгом помощи восставшим полякам»⁶⁷, «воспользоваться польским восстанием в своих корыстных целях»⁶⁸, проявляли «вожделения и аппетиты, направленные к расчленению и наивозможному ослаблению, а тем самым, и закабалению России, лишь прикрывавшиеся видимостью защиты польских интересов»⁶⁹.

Не вступая в спор о том, были ли у Бланки, Гейне, Берне, Гюго, Беранже, Копута стремления к расчленению и закабалению России, фальшивым или искренним было их сочувствие восставшей Польше, отметим один несомненный факт: в 1831 году, когда Россия была европейским жандармом и главным оплотом международной реакции, ослабление России было неопределимой поддержкой не только польской революции, но и европейской революции и русской революции. В этом смысле ситуация 1831 года ничем не отличалась от 1848 года, когда Маркс и Энгельс призывали к войне с Россией, призывали «с оружием в руках потребовать от России отказа от Польши... Война с Россией была бы единственно возможным путем спасти нашу честь и наши интересы по отношению к нашим славянским соседям и особенно к Польше»⁷⁰. «Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику. Буржуазия, правда, тоже питала и теперь еще питает чувство «симпатии» к полякам, но это чувство не помешало ей оставить

⁶⁴ Цит. по статье Н. С. Киняпиной — «Вестник Московского университета», 1952, № 7, с. 86.

⁶⁵ А. И. Чхеидзе, Пушкин и наша современность. — «Груды Тбилисского государственного педагогического института им. Пушкина», т. VII, 1949, с. 3.

⁶⁶ А. В. Козырев, Патриотизм Пушкина, с. 33—34.

⁶⁷ К. П. Лахостский, Лирика Пушкина, Л., 1959, с. 41.

⁶⁸ Н. К. Гудзий, Пушкин. Критико-биографический очерк, Киев, 1949, с. 92.

⁶⁹ Д. Благой, Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837), с. 18.

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 5, с. 353, 354.

поляков в беде в 1831, в 1846, в 1863 гг. ...Но отношение рабочего класса иное. Он хочет вмешательства, а не невмешательства; он хочет войны с Россией, потому что Россия вторгается в дела Польши; и он это доказывал каждый раз, когда поляки восставали против своих угнетателей»⁷¹.

Исследователи Пушкина, говоря о восстании 1831 года, избегают сопоставлять его с 1863 годом, хотя между обоими восстаниями было много общего (шляхетское руководство, его гибельная внешняя политика, ориентирующаяся на помощь западноевропейских держав, а не на союз с русской и западноевропейской революцией, нежелание отказаться от притязаний на украинские и белорусские земли, экспансионистская политика русского царизма, братская помощь борющейся Польше со стороны рабочего класса Европы). Разумеется, между этими восстаниями были и существенные различия. Они не могут, однако, изменить того факта, что и в 1831, и в 1863 году отношение к Польше в значительной степени определяло политическую характеристику тех или иных кругов русского общества, что Польша и для русских деятелей была, как говорил Маркс, «внешним термометром». Не останавливаясь подробно на отношении различных кругов русского общества к восстанию 1863 года, вспомним лишь об одном факте.

Как известно, в 1866 году Н. Некрасов написал стихи, в которых прославлял палача Польши, Муравьева-вешателя. Русское общество того времени расценило эти стихи если не как ренегатство, то, во всяком случае, как непростительную слабость. И хотя стихотворение не было напечатано, Некрасов до смертного часа жестоко казнил себя за этот злостный шаг.

К. Чуковский, подробно анализируя обстановку, в которой был совершен этот «грех», напоминает о важных обстоятельствах, смягчающих вину поэта (всеобщая растерянность, боязнь Некрасова за себя, за «Современник», за его сотрудников, над которыми нависла угроза беспощадной расправы, наконец, многолетнее, мучительное раскаяние), но не оправдывающих его. «Русское общество простило Некрасова. Но простить не значит оправдать»⁷². Поступок Некрасова не может быть оправдан. Какова бы ни была цель поэта, какими бы соображениями он ни руководствовался, воспевать Муравьева нельзя.

А воспевать Паскевича можно? Можно обращаться к палачу Польши 1831 года со словами:

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 16, с. 156.

⁷² К. Чуковский, Поэт и палач (Некрасов и Муравьев), Пб., 1922, с. 35—36.

Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Если некрасовская ода Муравьеву была неудачным тактическим маневром, то стихи Пушкина — это произведения глубоко искренние, выразившие его выношенные мысли, которым он остался верен до конца своей жизни и в которых никогда не раскаивался⁷³.

IV

Чтобы правильно понять рассматриваемые стихи Пушкина, необходимо хотя бы кратко остановиться на том, как они были приняты различными кругами русского общества.

Известно, что реакционные, придворные круги приняли пушкинские стихи с полным восторгом. Имеется даже мемуарное свидетельство, что одно из этих стихотворений написано Пушкиным по желанию Николая I⁷⁴. Если оно и не соответствует действительности, то наличие общих черт во взглядах Пушкина на польское восстание и позициях реакционных слоев русского общества несомненно⁷⁵.

Написав «Клеветникам России», Пушкин читал эти стихи царю и членам императорской фамилии⁷⁶, чего, конечно, не сделал бы, если бы не был убежден, что стихи понравятся. Представление обоих стихотворений Николаю состоялось 5 сентября, 7-го было подписано официальное цензурное разрешение на их издание, а 14-го они уже поступили в продажу. «...Такая молниеносная быстрота объясняется, конечно, патриотическим содержанием брошюры и

⁷³ Об этом свидетельствует письмо Н. Голицыну от 10 ноября 1836 года (XVI, 184). См. также: М. Беляев, Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. — В кн. «Письма к Хитрово», с. 257—300.

⁷⁴ «Пушкин писал тогда свое послание «Клеветникам России» и сказал молодому графу, что пишет по желанию государя» («Русский архив», 1912, № 2, с. 516).

⁷⁵ М. Беляев доказательно говорит о полной, почти текстуальной аналогии, которая выявляется при сопоставлении писем Пушкина к Хитрово с манифестами Николая I, с мнением Д. Блудова, составителя манифеста от 25 января 1831 года («Письма к Хитрово», с. 269, 274). Сам Пушкин писал об этом манифесте: «...последний манифест государя прервосходен» (XIV, 424).

⁷⁶ «Библиотека великих писателей». Под редакцией проф. С. А. Венгерова, т. VI. Пушкин, Пг., 1915, с. 410.

волею Николая I»⁷⁷. С. Уваров был восхищен «прекрасными, истинно народными стихами»⁷⁸ Пушкина и сам перевел их на французский язык. Русский посол при Германском Союзе прислал Нессельроде немецкий перевод «Клеветникам России» с сопроводительным письмом, в котором, в частности, говорилось: «Это произведение полно образов и вдохновения... это противоядие против зловерных излияний... наших немецких якобинцев»⁷⁹. Нередко похвалы «Клеветникам России» перемежаются с пылкими изъяснениями верноподданнических чувств. В этом смысле типичен отзыв о них молодого Бакунина: «Эти стихи прелестны, не правда ли, дорогие родители? Они полны огня и истинного патриотизма, вот каковы должны быть чувства русского!.. русские — не французы, они любят свое отечество и обожают своего государя, его воля для них — закон, и между ними не найдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и блага родины»⁸⁰.

Как же объясняют исследователи Пушкина такие отклики на «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину»? Д. Благой пишет, что в них сказалось «непонимание Пушкина его современниками»⁸¹. Таково же мнение Б. Городецкого: «Отрицательные оценки политической позиции Пушкина, вызванные в некоторых кругах русского общества этими стихотворениями, были обусловлены излишне прямолинейным их истолкованием»⁸². Что же это за «некоторые круги русского общества»? В первую очередь здесь могли бы быть названы Герцен и Добролюбов.

В книге «О развитии революционных идей в России» Герцен писал, что за эти стихи «одно время отвернулись»⁸³ от Пушкина, сравнивал их с «Выбранными местами из переписки с друзьями». В «Былом и думах» он говорил о «пошлом загоскинском патриотизме», хвастающем «штыками и пространством от льдов Торнео до гор Тавриды»⁸⁴, о не-

⁷⁷ «Письма к Хитрово», с. 131.

⁷⁸ См. письмо С. Уварова Пушкину (XIV, 232).

⁷⁹ Цит. по кн.: П. Е. Щеголев, Пушкин. Исследования, статьи и материалы, т. 2, с. 358.

⁸⁰ А. А. Корнилов, Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, с. 47, 48.

⁸¹ Д. Благой, Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837), с. 17.

⁸² Б. П. Городецкий, Лирика Пушкина, с. 397.

⁸³ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 7, с. 220.

⁸⁴ Там же, т. 9, с. 136.

годовании, которое «некогда не пощадило Пушкина за одно или два стихотворения и отвернулось от Гоголя за его "Переписку с друзьями"»⁸⁵.

Добролюбов, конечно, не мог в подцензурной печати излагать свои мысли с такой же прямоотой. Однако по существу его оценка пушкинских стихов мало отличается от оценки Герцена. Проследим, как Добролюбов развивает свою мысль. Сначала он упрекает Пушкина за недостаточную обличительность его творчества, за то, что он не изобразил «всю пошлость жизни современного общества», как это сделал Гоголь. Он не только не пристал к гоголевскому движению, но и «гордо воскликнул в ответ на современные вопросы: "Подите прочь! какое мне дело до вас!" и начал петь "Бородинскую годовщину" и отвечать "клеветникам России" знаменитыми стихами... Можно было бы спросить: это ли направление чистой художественности? Не поднимает ли здесь поэт тоже общественных вопросов, с тою разницею, что здесь выражаются интересы совсем другого рода? Да, эти произведения были в поэтической деятельности Пушкина шагом назад — к державинской и ломоносовской эпохе». Когда Добролюбов говорил, что эти стихи Пушкина лишены поэтического достоинства⁸⁶, он имел в виду, конечно, не недостатки формы. Он признавал, что эти стихи имеют «прекрасную художественную отделку», и осуждал их за то, что они по своей мысли назначены «для немногих», а никак не для большинства публики»⁸⁷. И Добролюбов, и Герцен подходили к оценке «Клеветникам России» и «Бородинской годовщины» с точки зрения современных общественных интересов, с политической точки зрения и осуждали эти стихи за то, что они выражали общественные интересы «немногих», а не большинства публики, не народные интересы.

Выясняя позиции Пушкина в вопросе о польском восстании 1830—1831 годов, замысел и объективное звучание его стихов «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» в породившей их обстановке, мы не стремились дать ответ на все вопросы, которые ставят эти стихи, эта проблема в целом перед историками литературы. Мы хотели лишь

⁸⁵ А. И. Герцен, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 11, с. 329.

⁸⁶ Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 2, М., 1962, с. 261—262, 195.

⁸⁷ Там же, с. 262. Здесь же Добролюбов пишет о Лермонтове, в котором не шевелили отрадного мечтанья «ни слава, купленная кровью, ни полный гордого доверия покой», что он «становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно» (с. 263).

одного: напомнить некоторые исторические факты, которые игнорировались при исследовании творчества Пушкина на протяжении многих лет, игнорировались потому, что они противоречили предвзятой и ошибочной концепции, которая стала, к сожалению, общепринятой. Мы убеждены в том, что анализ причин, вызвавших к жизни эти стихи, явится подступом к решению другого, более широкого и важного вопроса о значении этих стихов как для своего, так и для нашего времени.

г. Харьков

ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

1992 Выпуск III

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредители Российская Академия наук,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой

- 3 А. СААКЯНЦ. Последняя Франция (1937 — июнь 1939)
- 43 Е. ЭТКИНД. Флейтист и крысы (Поэма Марины Цветаевой «Крысолов» в контексте немецкой народной легенды и ее литературных обработок)
- 74 О. КЛИНГ. Поэтический стиль М. Цветаевой и приемы символизма: притяжение и отталкивание
- 94 Женя КИПЕРМАН. «Пророк» Пушкина и «Сивилла» Цветаевой (Элементы «поэтической теологии и мифологии»)

XX ВЕК: ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. ЖИЗНЬ

Авангард вчерашний и сегодняшний

- 115 Г. БЕЛАЯ. Авангард как богоборчество
- 125 Р. НОЙХАУЗЕР. Авангард и авангардизм (по материалам русской литературы)
- 140 Л. КЛЕБЕРГ. К проблеме социологии авангардизма
- 150 И. ХОЛЬТХУЗЕН. Модели мира в литературе русского авангарда
- 161 Х. ГЮНТЕР. Художественный авангард и социалистический реализм.
- 176 И. ЕСАУЛОВ. Генеалогия авангарда

-
- 192 К. ВАНШЕНКИН. Потребность в разборе